

9. Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / Ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000 // Режим доступа: <http://www.bunin-rgali.ru/index.php?view=main>

УДК 821.161

Н. М. Раковская

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Читатель как связующее звено между авторским миром и текстом

Раковська Н. М. Читач як сполучна ланка між авторським світом і текстом. Стаття присвячена концепції поняття «Авторський світ», його зв'язкам з присутністю автора в тексті, зв'язку зі світом тексту. Враховуючи різновекторність суджень літературознавців, акцентується необхідність формування теоретичної моделі вивчення авторського світу, в який з'єднуються воедино авторська свідомість, паралелі між автором як реальною особою та автором як текстуальною стратегією. Розглядається роль читача як сполучної ланки між авторським світом і текстом.

Ключові слова: автор, читач, авторський світ, текст, художня реальність.

Раковская Н. М. Читатель как связующее звено между авторским миром и текстом. Статья посвящена концепции понятия «авторский мир», его связи с присутствием автора в тексте, связи с миром текста. Учитывая разновекторность суждений литературоведов, акцентируется необходимость формирования теоретической модели изучения авторского мира, в которой соединятся воедино авторское сознание, параллели между автором как реальной личностью и автором как текстуальной стратегией. Рассматривается роль читателя как связующего звена между авторским миром и текстом.

Ключевые слова: автор, читатель, авторский мир, текст, художественная реальность.

Rakovskaya N. M. Reader as interlink between the authorial world and the text. The article is sanctified to conception of concept «The authorial world», his connections with being of author in text, connection with the world of text. Taking into account разновекторность judgements of literary critics, the necessity of forming of theoretical model of study of the authorial world is accented, in that will unite together authorial consciousness, parallels between an author as real personality and author as by textual strategy. The role of reader is examined as an interlink between the authorial world and text.

Keywords: author, reader, authorial world, text, artistic reality.

Постановка заявленої проблеми обусловлена тем, что в последнее десятилетие идет процесс трансформации и декодировки ряда понятий, имеющих принципиальное значение для понимания исторической поэтики, истории и теории литературы.

Изученность вопроса базируется на осмыслении понятия «авторский мир», его связи с амбивалентным присутствием автора в тексте, связи с миром текста. В данном плане показательны работы М. Бахтина, С. Бройтмана, Р. Громьяка, Ю. Лотмана, А. Слюсаря, Е. Черноиваненко и др. Но до сегодняшнего времени единой точки зрения на проблему авторского мира в литературоведении нет.

Цель данной статьи выявить в рецепциях разных представителей литературоведческих школ общую модель в понимании читателя как посредника в интерпретации авторского мира и текста. Цель данной статьи обусловила решение **нескольких задач**: 1. На основании различных точек зрения знаковых представителей филологии рассмотреть категории «авторский мир», «текст», «читатель». 2. Проанализировать различные модели чтения как потенциальные возможности двигаться вглубь текста в его в пространственной и временной перспективе. 3. Осмыслить позиции читателя-аналитика и читателя-интерпретатора в их глубинной сопричастности тексту.

В последнее десятилетие в современном гуманитарном дискурсе происходят значимые изменения. С нашей точки зрения, указанная тенденция связана, во-первых, с повышенным вниманием к эпистемологии, во-вторых, с необходимостью внедрения новых методов исследования, точнее, аналитических практик, в-третьих, с определенной дистанцированностью мышления и сознания современного читателя от объекта, каковым является художественная литература от Средневековья до эпохи постмодерна. Проблема состоит не столько в переводе текста из одного культурного кода в другой, сколько в том, чтобы его осмыслить в рамках сегодняшнего опыта. Завершившееся первое десятилетие XXI в. дает возможность рассмотреть процессы, происходившие в литературах предшествующих эпох, с позиций «вненаходимости» (М. Бахтин), т. е. системно, целостно и, прежде всего, объективно, используя значимый «теоретический инструментарий» (Н. Лейдерман). Вместе с тем заметим, что природа гуманитарного знания такова, что иногда крайне непросто найти критерии, позволяющие измерить точность понятий, их попадание в исследуемый текст (объект). Думается, главное – это вызвать у читателя сопричастность тексту, позволить ему двигаться вглубь текста, т. е. читать его в пространственной и временной перспективе. На точке пересечения двух указанных измерений и возникает тот универсум, где текст обретает в

глазах читателя свою историю, свой авторский мир. В таком случае творчество писателя есть процесс, связующий автора с читателями посредством текста, ибо поэзия (в широком смысле слова) занимает свое место в истории, т. е. расположена на определенном отрезке временной протяженности и в рамках определенной культуры. В этом плане оказывается важным, как и в какой степени история вторгается в декодировку текста, становясь посредницей между автором и его аудиторией, скажем, в XVIII или XIX вв., какова связь автора с культурной традицией, что представляет собой текст как сообщение и акт коммуникации.

Очевидно, что сегодня необходимо объяснить сущность понятия «авторский мир», его связь с амбивалентным присутствием автора в тексте, связи с миром текста и т. п. Учитывая точки зрения мировой литературоведческой и теоретической мысли (Р. Барт, Г. Гадамер, П. Рикер, М. Фуко и т. д.), исследователи в то же время опираются на значимые работы М. Бахтина [3], С. Бройтмана [4], Р. Громьяка, Ю. Лотмана [6], А. Слюсаря [7], Н. Тамарченко [8], Е. Черноиваненко [12]. Заметим, что до сегодняшнего времени единой точки зрения на проблему авторского мира в литературоведении нет. Ряд исследователей (В. Хализев [10], Л. Чернец [11]) справедливо рассматривают данную проблему в двух аспектах: эстетическом и текстообразующем. В. Хализев полагает, что авторский мир связан с образом мира и входит в общую концепцию произведения, где литературное произведение правомерно характеризовать как особого рода обращенный к читателю монолог автора. Эти монологи органически связаны с тем, что Ю. Лотман назвал «автокоммуникацией», в основе которой лежит ситуация «Я — Я». При этом автор неизменно выражает свое отношение к позициям, установкам, ценностной организации создаваемого мира «Я — ОН». Л. Чернец предлагает уточнить понятие авторского мира термином «автоинтерпретация», ввести знаки-заместители: автор-творец, автор-концепция, автор-знак. С субъектом изображения связывает авторский мир Н. Тамарченко. В связи с постановкой проблемы — о модусах художественности в литературе — В. Тюпа [9] указывает на то, что любое произведение обладает той или иной эстетической модальностью, связывая модус художественного сознания, прежде всего с субъективной стороной мира произведения, типами авторской эмоциональности и соответствующими установками читателя. Здесь явно прослеживается связь с бахтинской концепцией автора, а также с эстетическими категориями, которые определяются ученым как архитектурные формы содержания, как осуществляемые авторами архитектурные задания (типы завершения эстетического целого). В. Тюпа также полагает, что различные модусы художественности — суть стратегии творческого

«ощелнения», порождающего специфический художественный смысл целого. Поле этого смысла предполагает актуализацию авторской позиции и «актуализируемую» текстом установку читательского восприятия», внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику, организацию времени и пространства, систему миров, «голосов», знаков, ритмико-интонационный строй текста. Возникает «Я в мире как средоточие художественного смысла» (М. Бахтин). В этом же плане интересна и формулировка Р. Уэллека и О. Уоренса о связи авторского мира с художественной реальностью и ее реализацией в знаковой системе и формах воплощения речевых субъектов. Учитывая разновекторность суждений литературоведов, сегодня, на наш взгляд, очевидна необходимость формирования теоретической модели изучения авторского мира, в которой соединятся воедино авторское сознание, параллели между автором как реальной личностью и автором как текстуальной стратегией, активной функцией читателя.

Множественность имеющихся подходов, думается, можно сгруппировать по двум направлениям: постижение авторского мира в эстетическом измерении и исследование форм его репрезентации в тексте. В связи с этим целесообразно применение различных методов исследования: от компаративного до феноменологического. Значимость роли читателя как связующего звена между авторским миром и текстом, а также его смыслообразующей функцией, определяются приоритеты рецептивной эстетики.

Ученые полагают, что авторские миры — это, прежде всего: 1) мир чувствований, переживаний, 2) мир бытия и его феноменов, 3) мир воображения, 4) мир видения и создания художественной реальности. Авторская субъективность организует мир произведения, его художественную ценность. Доминантой при этом является духовный мир, душа автора, что свидетельствует о его связи с трансцендентным. Именно поэтому художественный текст является не только литературным феноменом, но и феноменом культурно-исторического типа [1]. Понимание текста как художественной реальности содержит в себе определенный взгляд на мироздание (онтолого-гносеологический и антропологический аспекты способствуют включению читателя в миры художника). В этом плане важными оказываются концепции Н. Данилевского (теория культурно-исторических текстов), Г. Гачева (космо-психологов), Н. Лосского (мир как органическое бытие), культурологические интуиции О. Шпенглера, «личная философия» М. Хайдеггера, учение о бытии как потенциальном единстве духовной жизни, учение об истине как живом, множественном, «всеединстве всего» — (В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков и др.). Авторские миры в таком аспекте характеризуются

трактовкой мироздания как живого начала, признанием во вселенной и человеке абсолютного существования Бога, способностью ко «всемирной отзывчивости» (Ф. Достоевский), исканием цельности бытия. П. Гагаев справедливо отмечает, что писатели как XIX, так и XX в. тяготеют к восприятию мира и человека как множеств целого: «Они есть собор разных миров и разных космических миров, разных людей, микрокосмов. Более того, всякий из людей есть множество миров, множество душ, но есть образ множественности Бога и мира. И в этом его – человека – смысл и способ бытия, способ поиска им своего абсолюта» [5].

Именно поэтому предметом исследования авторских миров в художественном тексте являются такие реалии и понятия, как мировидение и мирочувствование художника, историко-культурная реальность, дуально-личностное прочтение художественного текста. Формы воплощения авторского мира как духовного в тексте, безусловно, связаны с развитием литературы от Средневековья до эпохи литературы «художественной модальности» (С. Бройтман).

Уже в античном искусстве дает о себе знать индивидуально-авторское начало, о чем свидетельствует творчество, скажем, Софокла, Горация и т. д. Вместе с тем, литературоведы, исследующие тип литературы XVIII вв., справедливо отмечают ограниченность авторской индивидуальности канонической системой жанров и стилей, называя авторские миры традиционалистскими, ориентированными на риторичность и нормативную поэтику. Авторское начало, его открытость миру наиболее ярко проявляет себя в XIX в. Согласно концепции А. Слюсаря, именно в эту эпоху возникает в литературе интерес к индивидуальности, зарождается и развивается художественность [7]. Е. Черноиваненко определяет данный тип литературы как «эстетический». В эстетическом типе литературы «главной ипостасью литературного произведения становится не текст, а порожденный текстом художественный мир». В свою очередь, указывает ученый, «это приводит к изменению природы слова, стиля, жанра в литературе, к расширению прав автора как творческой индивидуальности, к изменению взаимоотношений литературы и действительности» [12:452]. В эпоху художественной модальности искусство и, в частности литература, становятся «эстетическим выражением» впечатлений, эмоций автора и, подвергаясь, по мнению Б. Кроче, «эстетизации», «творчески преображаются» в процессе и результате их выражения.

В конце XX – начале XXI в. очевидна близость таких понятий, как авторские миры и авторская модель мира, ибо осмысление концептов *судьба*,

человек, *душа* соотносится с кодом памяти, истории, эпохи, культуры и выражается в знаковой системе антропоцентрических понятий. Различие авторских миров, с точки зрения Р. Барта, находило отражение в кодах: культурном, хронологическом, акциональном [2]. В данном контексте для нас важна точка зрения Ю. Лотмана, указывающего, что «автор строит модель мира по структуре своего мировоззрения и мироощущения, своего детерминированного «я» [6, 50]. Использование термина «модель» в лотмановской традиции, выстраивание типологических рядов авторских миров, на наш взгляд, будет способствовать осмыслению развития и движения литературы как целостной саморазвивающейся системы.

Заметим, что каждый новый этап развития литературы является и продвижением в глубины памяти. Тексты создаются во времени и пространстве. Возможно, поэтому И. Хольтхузен указывает, что у всех моделей мира есть своя топология, свое членение пространства, в связи с чем появляются понятия: карнавальный, праздничный, безумный, обнаженный и иные миры. В переломные, переходные периоды у художника возникает необходимость осознать свою модель мира, в которой обнажаются вопросы мировой судьбы, роковой судьбы человечества (Хольтхузен). В этом плане структурная система модели мира и авторских миров позволяет выявить внутренние связи между авторскими текстами мировой сюжетно-мотивной организации, фольклорно-мифологической, архетипической и т. д. Ряд исследователей справедливо отмечают, что в основе авторской модели мира лежит система бинарных оппозиций, среди которых наиболее значимыми являются:

- 1) сакральный – мирской;
- 2) хаос – космос;
- 3) природа – культура;
- 4) жизнь – смерть;
- 5) свой – чужой и т. д.

Бинарные оппозиции, создаваемые автором, приводят к созданию знаковых систем, знаковые системы кодируют те архетипические представления, с которых начинается и завершается создание модели мира. Типологические ряды дают возможность понять, как в текстах мировой литературы представлен мир, на какой тип культуры он ориентирован (патриархальный, книжно-элитарный, теоцентрический), какая система ценностных ориентации в них представлена.

Научные результаты, которым были получены в ходе исследования в рамках данной статьи, определили следующие выводы:

Исследование авторских миров может идти по трем этапам:

1) чтение – это принятие текста, проникнутость им, своеобразное открытие-инициация (М. Зубрицкая)	2) интерпретация – толкование, стремление подчинить текст, отстоять право собственного Я на некий смысл (Р. Барт)	3) научный анализ позволяет перевести текст из одного кода истории, культуры в другой, понять автора и текст в свете современной гуманитаристики (Поль Зюмтор)
---	---	--

Различные уровни авторских миров позволяют говорить о приоритете ментального, религиозного, философского начал, находящихся воплощение в альтернативных вариантах мироустройства, построении новых миров-концептов или новой виртуальной реальности.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане направленности научного поиска на изучение диалога между показателями авторского сознания в тексте и читательскими рецепциями текста.

Литература

1. Баррі П. . Вступ до теорії: літературознавство і культурологія / П. Баррі. – К. : Смолоскип, 2008. – 358 с.
2. Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. – М. : Академ. проект, 2008. – 430 с.
3. Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. / М. М. Бахтин – М. : Рус. словари, 1996. – Т. 5. – 731 с.
4. Бройтман С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 320 с.
5. Гагаев А. А. Художественный текст как культурно-исторический феномен / А. А. Гагаев. – М. : Наука, 2002. – 180 с.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 700 с.
7. Слюсарь А. А. Методія / А. А. Слюсарь. – Одесса : Астропринт, 2009. – 581 с.
8. Тмарченко Н. Д. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко. – М. : РГГУ, 2006. – 467 с.
9. Тюпа В. И. Аналитика художественного / В. И. Тюпа. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 192 с.
10. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.
11. Чернец Л. В. «Как наше слово отзовется...»: Судьбы литературных произведений / Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк., 1995. – 306 с.
12. Черноиваненко Е. М. Литературный процесс в историко-культурном контексте / Е. М. Черноиваненко. – Одесса : Маяк, 1997. – 712 с.

УДК 82-1.111-1.305

С. Е. С л а с т ь о н

Институт філології КНУ імені Тараса Шевченка

Про один приклад гендерного діалогу в британській поезії кінця XVI – 20-х років XVII ст.

Сластьон С. Е. Про один приклад гендерного діалогу в британській поезії кінця XVI – 20-х років XVII ст. Стаття присвячена аналізу специфіки діалогу в гендерному та інтертекстуальному аспектах у текстах трьох англійських авторів елизаветинської та яковіанської доби. Гендерні смисли у поезії К. Марлоу (1564 1593), В. Рейлі (1552 1618), С. Деніела (1560 1619) розглядаються через функції діалогу в художньому тексті, зокрема: комунікаційну, інформаційну та психологічну. Стаття репрезентує не тільки особливості творчості англійських поетів, а й взаємодію літературних явищ англосмовної лірики в гендерному та мотивному контекстах. Через принцип диференціації понять мотив та мотивування при аналізі поетичних текстів, розкриваються не лише експліцитні гендерні ознаки персонажів і хронотопу, а й додаткові гендерні смисли відповідно.

Ключові слова: гендер, діалог, мотив, В. Рейлі, С. Деніел, К. Марлоу.

Сластьон С. Е. Об одном примере гендерного диалога в британской поэзии конца XVI – 20-х годов XVII в. Статья посвящена анализу диалога в гендерном и интертекстуальном аспектах трех поэтов елизаветинского и яковинского периода. Коммуникационная, информативная и психологическая функции диалога анализируются в поэзии К. Марлоу, В. Рейли и С. Дениэля. Статья репрезентует не только особенности поэзии каждого отдельного поэта, но и демонстрирует взаимосвязь трех текстов в гендерном и мотивном контекстах. Благодаря принципу дифференциации понятий мотив и мотивировка при анализе поэтических текстов раскрываются не только эксплицитные гендерные признаки персонажей и хронотопа, но и дополнительные гендерные смыслы соответственно.

Ключевые слова: гендер, диалог, мотив, В. Рейли, С. Дениель, К. Марло.